

В. В. Барсова
П. И. Бартенев
Н. П. Баталов
Андрей Белый
Александр Блок
А. К. Гладков
А. М. Горький
А. Д. Дикий
Сергей Есенин
В. А. Жуковский
А. А. Игнатъев
В. И. Качалов
Константин Коровин
Борис Лавренев
А. В. Луначарский
Лев Лунц
А. С. Макаренко
Н. Д. Мордвинов
Е. К. Мравина
Н. П. Охлопков
Каролина Павлова
Борис Пастернак
А. С. Пушкин
Игорь Северянин
К. С. Станиславский
А. Т. Твардовский
Вера Фигнер
Эрнест Хемингуэй
Н. П. Хмелев
Марина Цветаева
Михаил Чехов
Евгений Шварц
О. Ю. Шмидт

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1982

ПОЕЗДКА В ИТАЛИЮ В 1888 ГОДУ

(Путевые записки С. И. Мамонтова)

Публикация М. Д. Печерского

Писатель А. В. Амфитеатров в своем романе «Девятидесятники» так характеризует Савву Мамонтова: «Миллионер, железнодорожник и, кругом, артист. Оперу держит, картины пишет, стих сочиняет, бюсты ваяет, баритоном поет, Цукки танцы показывал, Шаляпина открыл и на ноги поставил, Васнецова в люди вывел, Косте Коровину дорогу расчистил, теперь с Врубелем возится, как мать с новорожденным... Куда ни двинь его в искусстве, с какой стороны ни тронь, во всем знаток и работник...» (А. Амфитеатров. Девятидесятники, т. I. Спб., 1910, с. 134).

Итак, «Косте Коровину дорогу расчистил»... Впервые К. А. Коровин появился в доме Мамонтовых в 1884 году. Познакомил Савву Ивановича с художником В. Д. Поленов, который был учителем Коровина в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В семье Поленовых очень любили «Костиньку», как там называли 23-летнего художника. Полюбили его и у Мамонтовых, и здесь он тоже быстро стал Костинькой, что, впрочем, и не удивительно, учитывая значительную разницу в возрасте Саввы Ивановича и Константина Алексеевича (она составляла 20 лет). Так и началась дружба между просвещенным меценатом и начинающим художником.

Воспоминания современников донесли до нас свидетельства об этой дружбе. «Постоянное общение с Саввой Ивановичем и его друзьями, — вспоминал Константин Алексеевич — было для меня, молодого художника, настоящей школой» (Н. И. Комаровская. О Константине Коровине. Л., 1961, с. 47). Другой современник худож-

ник П. В. Кузнецов подметил, что «у Саввы Ивановича было много общего с Коровиным, потому они так и дружили...» (Константин Коровин. Жизнь и творчество. Письма, документы, воспоминания. М., 1963, с. 270).

Мамонтов сразу же оценил талант художника. Невольно вспоминаются слова А. М. Горького, что Мамонтов «хорошо чувствовал талантливых людей, всю жизнь прожил среди них, многих таких, как Федор Шаляпин, Врубель, Виктор Васнецов — и не только этих, — поставил на ноги, да и сам был исключительно, завидно даровит» (М. Горький. Собр. соч., т. 17. М., 1952, с. 78).

Мамонтов привлек Коровина к декорационным работам в организованной им в Москве в 1885 году Частной русской опере, где в течение четырнадцати лет редкий спектакль обходился без декораций, написанных Коровиным. Успех этой художественно-декорационной деятельности Коровина был настолько велик, что уже через два года Мамонтов организовал Коровину бенефис. Как известно, обычный бенефис — это спектакль, сборы с которого полностью или частично идут актеру-бенефицианту, но в данном случае в виде исключения бенефициантом был художник. Газета «Новости дня» в этот день писала: «Каждая новая опера давала случай художнику проявить свой талант, он вызывал всегда шумные овации и ободрения со стороны публики...» (1887, 25 января).

С 1887 года Мамонтов стал брать Коровина в свои многочисленные поездки. Так, осенью 1888 года они отправились вместе в Италию. Свидетельством этой поездки (Москва—Вена—Флоренция—Специя—Милан—Генуя—Квинто—Генуя—Милан) осталась сохранившаяся в архиве Мамонтова небольшая тетрадь, размером 19×25 см, обтянутая простой зеленой материей, в которой на 28 листах Мамонтов описал это путешествие, а Коровин на полях сделал зарисовки пером. Тетрадь эта сейчас хранится в ЦГАЛИ СССР в фонде С. И. Мамонтова (ф. 799, оп. I, д. 24).

Отдельные небольшие фрагменты из этих путевых записок были процитированы И. М. Молевой в книге «Константин Коровин. Жизнь и творчество» (М., 1963), Д. З. Коган в монографии «К. Коровин» (М., 1964) и М. И. Копшицером в книге «Савва Мамонтов» (М., 1972). Из 14 рисунков Коровина только два были опубликованы в журнале «Наш современник», № 6 за 1965 год. Здесь

рукопись Мамонтова публикуется почти полностью, опущены только некоторые повторы (рукопись создавалась в дороге) и кое-какие незначительные отступления, не имеющие литературного значения. В соответствующих местах воспроизведены рисунки Коровина. Текст записок Мамонтова прерывается иногда небольшим комментарием, необходимым для пояснения тех или иных фактов его биографии.

Путевые записки Саввы Мамонтова создают образ просвещенного мецената, человека европейской образованности, большой художественной культуры, но в то же время в них отражаются и какие-то элементы психологии крупного промышленника, русского купца. Это особенно заметно в его рассуждениях на «железнодорожные» темы. В целом эти записки представляют интересный документ эпохи. Написанные живым, образным языком, они содержат колоритные зарисовки нравов, быта того времени. И их читатель невольно проделывает вместе с молодым Коровиным и его умудренным житейским опытом другом интересное путешествие по Италии.

————— * * * —————

Пока не сел в вагон и поезд не тронулся, все еще не веришь, что можешь уехать за границу, хотя на короткое время. Поэтому за несколько часов до отъезда мной

овладевает какая-то восторженная решительность; все вопросы (а их всегда масса) решаются быстро и неотразимо энергично. Компаньон мой Костинька, с которым мы поклялись не покидать друг друга во что бы то ни стало, готов. Лицо его сияет от восторга, глазенки бегают, он весь нетерпение... Еще бы! Сколько интересных живых картин промелькнет перед нами, сколько можно молодому и жизненному человеку набраться неизгладимых впечатлений! А вот увидим, что из этого выйдет. Багаж у нас небольшой, но все нужное есть: деньги, паспорта, немного платья, немного белья, очень много разного снадобья из аптеки (оба мы побаиваемся холеры и разных припадков), холста, красок, альбомов — одним словом, туристы во всей форме. Вот станция Моск[овско]-Брестской доро-

роги, вот спальный вагон, идущий вплоть до Варшавы. Поезд двинулся — поездка состоялась [...] Пошли разные Вязьмы, Смоленски, Мински и неизбежный тоскливый пейзаж. Тощая земля, тощий белорус на своей тощей клячонке. Только березка родимая да елочка неприхотливая живут себе, не мудрствуя лукаво, довольные и солнышком холодным, и серым небом, и тощей землицей. Но нет, что я говорю? Где же найдешь столько задушевной прелести, простоты и шири, как в русском пейзаже? Около мелколесья полянка, ложок с молевинкой, кусточки кругом, над осокой в сумеречье туман подымается, в кустах соловей защелкал. Никто его не норовит пой-

мать*, не спугнет, вечерний холодок ему не помеха, песнь его царит над этой природой... Так и кажется, что из бочажка тихохонько вынырнет русалочка соловьиной песенки послушать! И любо им, привольно живется на Руси! Не преминули мы на прощанье, под вечер, и русским пейзажем полюбоваться, я даже думаю, что Костинька и русалочку видел, — на то он молод и художник.

Курьерский поезд идет не спеша, развозя по маленьким станциям юрких еврейчиков в лапсердаках и бархатных картузах. На этот раз, впрочем, была суббота, и еще при этом какой-то большой праздник, так что еврейчики кое-где только

показывались на станциях, без обычной суетливости, торжественно настроенные, прогуливаясь по платформе. Прежде, бывало, по приезде в Варшаву приходилось проезжать весь город в экипаже. Этим как будто прерывалось длинное путешествие, и перед вами мелькала городская жизнь, вы думали, что видели Варшаву. Теперь неудобство переезда в экипаже устранено, и вы пересеживаетесь из вагона в вагон на станции Варшавско-Венской дороги, так что город Варшава остается только теоретическим железнодорожным пунктом. Ночью приходится подыматься на границе для исполнения пограничных формальностей.

Меня почему-то очень занимала мысль: увижу ли я на станции моего старого знакомого еврея — менялу Манассэ. Почтенный старец не заставил себя дожидаться — между толпы разных местных пассажиров при скудном

---

* В Италии бесцеремонно маленьких птичек певчих, без разбора, сотнями ловят и едят жареных с полентой — деликатное кушанье. (Примеч. С. И. Мамонтова.) Полента — кукурузная каша.

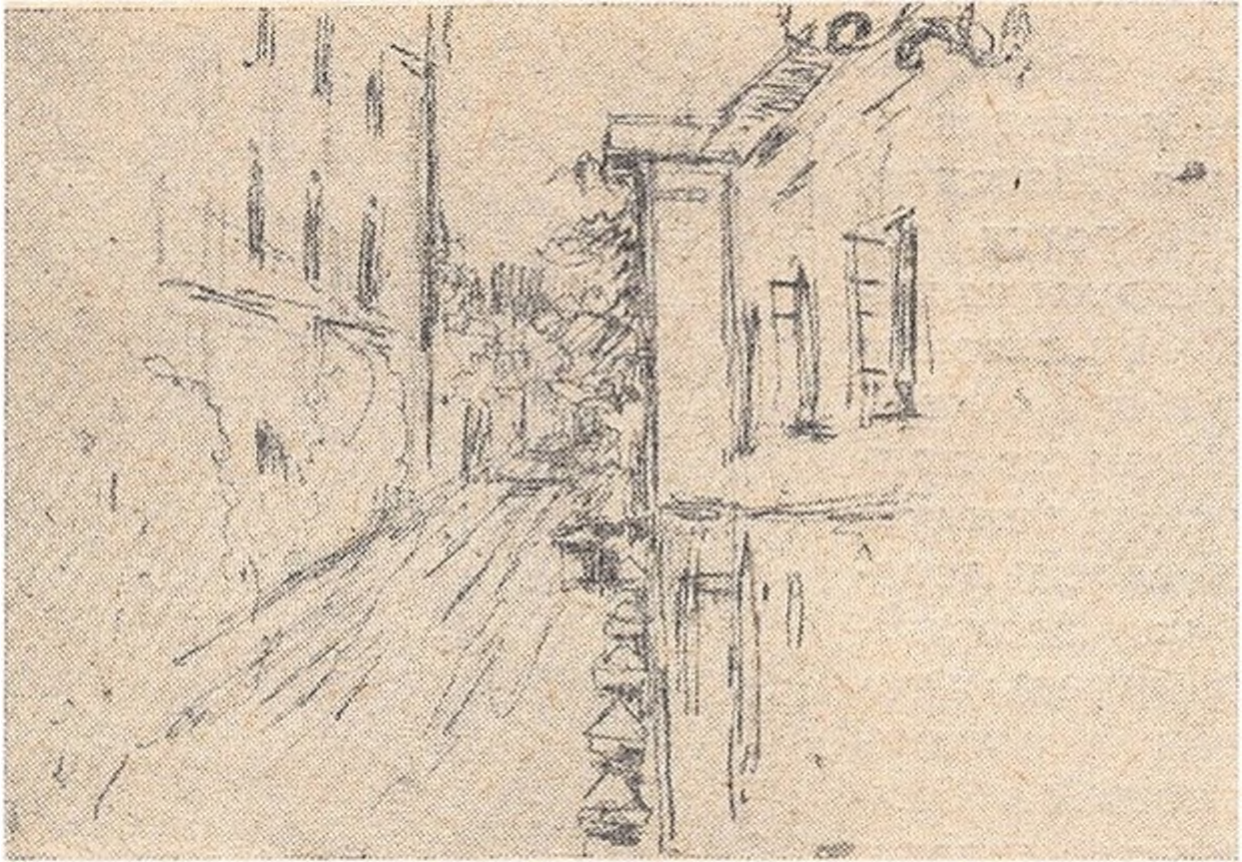

свете казенных ламп я увидел симпатичную голову седовласого сына Израиля. Откуда берется такая изумительная выдержка? В течение по крайней мере 20 лет Манассэ приезжает сюда каждую ночь из своей деревеньки на австрийской границе для того, чтобы услужить проезжающей публике разменом денег и при этом, конечно, нажить несколько рублей. Никто никогда не жаловался, что Манассэ обманул или невыгодно разменял, и 70-летний старец этим гордится.

Костинька приготовился было зарисовать его, но Манассэ очень ловко увернулся и избегнул этой чести. Другой еврейчик, молодой и одетый с некоторой претензией на чистоту, зачитался какого-то объявления на стене и за это попал в наш альбом. Обстоятельство это не ускользнуло от Манассэ — старик долго смеялся и подшучивал над своим соплеменником, который никак не мог понять, когда это его успели снять на бумагу. Юный мой спутник Костинька, как только мы перешагнули через австрийскую границу, начал приходить в неописанный восторг от всего иностранного, он почувствовал себя свободным от угнетающего и испытующего взгляда русского жандарма. Станция Trschebinia возымела для него уже свою обаятельную прелесть. Задний фасад станции привлек его внимание и попал в дорожный альбом. Вся местность около границы охвачена сетью железных дорог; благодаря подземным богатствам кругом кипит работа и движется масса каменноугольных поездов. Проходящий курьерский поезд из Кракова захватил нас и с надлежащей скоростью понес нас к Вене.

Только тут мы определенно почувствовали, что мы в другой стране, — все кругом ожило и зашевелилось.

Как на грех, с нами в вагоне оказались какие-то русские, вероятно, едущие из Киева, да еще к тому же довольно неприятные: какой-то малороссийский аристократ-помещик с сынишкой лет 12 и гувернером. Мальчик очень выхоленный и избалованный. Компания эта ехала с нами до Вены, и мы присутствием своим, по-видимому, друг другу очень надоели. Чем ближе к Вене, тем движение делается оживленнее и чувствуется все более и более приближение к Европе. В 4 часа наконец поезд остановился в Вене. Шум, суетливость со всех сторон: в воскресный день вся Вена на улице, толпы народа кишат туда-сюда, конки везут в оба конца массу людей, жаждущих прожить свои праздничные гроши [...] Мы пошли по стогнам града среди чуждых нам людей. Не знаю почему, но какое-то необъяснимое чувство привело меня к собору Св. Стефана. Среди городского шума, треска и малодушества стоит в полумраке могучий готический старец-великан. Он не участвует в современной жизни столицы, он протестует молча против этой дешевой мишуры, он призывает к себе сирых, оскорбленных, несчастных. Мы вошли в храм и сразу почувствовали то строгое и благоговейное настроение, которое царило под мрачными сводами строгой готической архитектуры. У одного из приделов, слабо освещенного вос-

ковой свечой, сидела немолодая женщина, погруженная в благоговейное созерцание. Она была одета в бедное черное платье. Лицо выражало глубокое душевное страдание — и только здесь, по-видимому, в храме молитвы, разбитое сердце находило хотя временное успокоение. Около колонны в полумраке другая женщина горячо и со слезами молилась. У одной из колонн, на кафедре под балдахином, католический патер в белой кофте и с черной шапочкой-корабликом на голове

старательно доказывал обычные богословские истины, с пафосом растягивая слова, и каждый раз при произнесении имени Христа жеманно и с утонченной вежливостью снимал и тотчас же надевал свою шапочку, как будто кланяясь хорошему знакомому. В течение каких-нибудь трех минут он поклонился раз восемь. Зачем он это делал и не проще ли было снять шапку и надеть ее, когда кончится проповедь? Толпа человек в пятьдесят слушала проповедника, и я глубоко уверен, так же, как и я, ничего не понимала. С начала до конца весь католицизм основан на этой церемонной, элегантно лжи. Патер, бог ему судья, нарушил наше хорошее настроение, и мы пошли домой. Портъс тотчас же обольстил нас, всучив нам два билета на первое представление какой-то новой оперетки в театре an der Wien. Все это было так слабо, пошло и не художественно, что и упоминать не стоит; после первого же акта мы бежали из этого пустозвонного учреждения, имеющего задачей путем извращения вкуса и понятия об изящном собирать гроши с венской публики, падкой на всякие зрелища.

Вряд ли где-нибудь в другом городе конная железная дорога дошла до такого апогея своего развития. Поезда идут на расстоянии не более 50 шагов друг от друга

и в составе редко менее трех-четырёх вагонов и всегда битком набитые. Какая же масса подвижного состава, лошадей и какое громадное число пассажиров! Ночь, проведенная в постели и в тишине, нас очень освежила, и мы в 7 часов утра уже сидели в вагоне южной дороги и неслись по направлению к Италии...

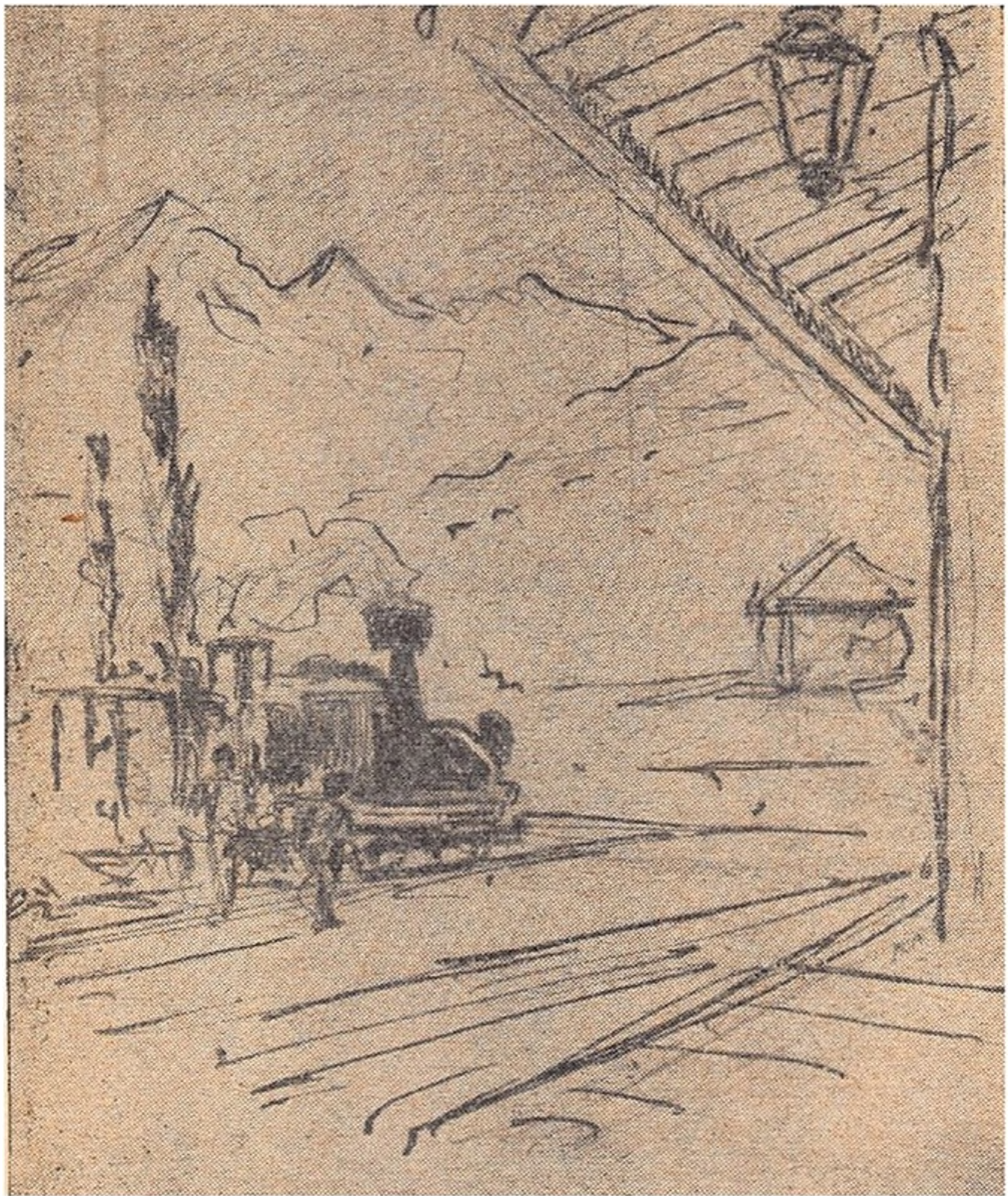

Пусть не покажется странным читателю то, что С. И. Мамонтов в своих заметках часто уделяет много внимания железнодорожному делу. Ведь Савва Великолепный (прозвище, данное Мамонтову М. В. Нестеровым) умножил отцовское наследство, занимаясь, в первую очередь, именно железнодорожным делом. Он был главным акционером Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, Товарищества Невского механического завода, Общества Восточно-Сибирских чугуноплавильных заводов и других. В частности, широко известный Мытищинский вагоностроительный завод — бывшее мамонтовское предприятие.

...В России мы не имеем понятия о здешней железнодорожной эксплуатации. Точность и быстрота поистине изумительные, все разработано до самого мелкого деления; здесь минута является уже несомненно серьезной и ощутительной единицей времени. Личный состав службы почти не виден, он функционирует молча. В строгом порядке, видимо, весь проникнутый строжайшими инструкциями, правилами и угрожаемый такими же штрафами, поэтому лентяй, зевака или пустомеля здесь немыслим. Все идет как часовой механизм, не видать никакой толкотни, не слышать ни одного лишнего звука. Зато если случится какой-нибудь казус, выходящий из расписания или грозящий каким-нибудь замешательством, невесть откуда налетает всякое начальство, немедленно энергично принимаются самые решительные меры, прозвучит два-три резких взыскательных слова — и все вдруг на месте, и опять река быстро и стройно потекла в своих берегах. На одной станции, например, при пересоставлении поезда прицепили наш вагон и забыли соединить тормоз (пневматический вакуум). Начальник станции быстро осмотрел поезд и увидел не свинченную трубку, пробормотал несколько резких слов и при

этом так взглянул на составителя поезда, что на меня пахнуло уложением о наказаниях. Снисходительности, прощения или иных христианских чувств к железным дорогам, видимо, абсолютно не прилагается, и в этом, должно быть, и высказывается высшая степень мудрой гуманности. Оно в самом деле так. Я уволил стрелочника за невнимание или забывчивость, даже маленькую рассеянность; он оказался семейным человеком, жена и дети пошли по миру. Меня упрекнут в бессердечии, в жестокости даже. В другом случае я не уволил его из снисхождения к его бедности. Через неделю, на грех, тот же стрелочник по забывчивости перевел не на ту сторону стрелку, столкнулись поезда — и несколько человек уби-

то, зато семейство облагодетельствовано. Вот так благодетель! Да, здесь такого благодетеля без разговоров бубновым тузом наградят. Вообще неумолимое требование порядка в Европе сильно бросается в глаза.

Итак, мы едем по южной дороге из Вены. В прежние времена Semmeringpass, т. е. переход через Земмеринг, считался торжеством инженерного искусства, но теперь сооружение это кажется уже наивным сравнительно с новой линией, которая идет от Брука на Понтеббу. Страшно сидеть в вагоне, глядя на эти суровые скалы

и обрывы, которые проколоты железной дорогой. Костинька мой был уморителен, при виде снежных вершин он просто растерялся, хватался за альбом, но поезд с поразительной быстротой влетал в тоннели, и пейзаж менялся ежеминутно. На станции Тарвис поезд стоит минут десять, и мой растроганный спутник успел зарисовать кое-что.

Надо сказать правду, что на спутников нам не везло. На этот раз с нами в вагоне оказалась какая-[то] итальянская компания, состоящая из отвратительного подростка лет 17 с угреватым лицом и со всеми антипатичными манерами католического семинариста, другой мальчик лет 15, важно расхаживающий с сигарой во рту и с руками в карманах. При них оказался молодой каноник, по всей вероятности, их ментор, с грубым, даже вульгарным итальянским типом. Каноник не гнушался участвовать с своими учениками в пошлых, скабрзных шутках и только изредка для проформы говорил банальные нравоучения, которые, конечно, не имели никакой цены и тут же сообща осмеивались всей необузданной компанией. Мальчик живо напомнил мне неаполитанских уличных мальчишек с их отвратительным кривляньем и бесстыдными выходками. Признаться, руки чесались, и нам с Костинькой не раз приходило желание задать хорошую клочку* всей наглой компании. К ночи, однако, каноник, когда все улеглись в вагоне, вынул молитвенник и, став среди купе и закрыв глаза, бормотал молитвы на сон грядущий. Это было поистине забавно.

В Понтеббе резкая перемена декораций. Сразу Италия — и язык, и люди, и обычаи — все другое. Посадили нас в обыкновенные итальянские вагоны I класса, и к нам опять попал попик с дрянными мальчишками. Ночь, проведенная в таком вагоне, утомительнее всей дороги. В 3 часа ночи мы уже были в Болонье — перемена поезда и пересадка. Спросонок всегда перепугаешься и не знаешь, куда сразу сунуться, кричат со всех сторон «partenza»**. Тут чуть не произошла трагедия — я было лишился Костиньки. Почувствовав в себе некоторое окрыление, нечто вроде храбрости, сей юный путешественник в то время, как я забежал в ресторан проглотить чашку черного кофе, отправился путешествовать по станции. Я пошел садиться, а моего красавца все нет.

* потасовку (диалект.).

** отправление (итал.).

Приходилось переходить на другую сторону и в другой конец станции, куда, конечно, легкомысленный юноша не догадается прибежать, а спросить он, не зная ни единого слова, ничего не мог. Крики «partenza» раздавались все убедительнее, уже начали запирают вагоны, а мой солова бог ведает где летает. Я знал, что у него ни билета, ни денег не было, а оставаться из-за него в Болонье смертельно не хотелось. Я решился сесть в поезд и — будь что будет. Наконец кондуктор, спасибо ему, увидел какого-то растерянного юношу и привел его ко мне. Это оказался мой заблудший бандурист. Он сел в поезд уже на ходу. В первую минуту я готов был произвести совершенный беспорядок в его и без того вечно непричесанной шевелюре, но, видя его испуганное личико, должен был обратиться к нему с словами утешения: бедный Костинька, увидав, что поезд уже двинулся, решился схватиться за первый попавшийся вагон, чтобы не погибнуть в чуждой ему Болонье.

С восходом солнца мы были уже в долине Флоренции. Мягкий, чудный воздух пахнул в окно, замелькали сады с прихотливой изнеженной растительностью. Вот уже на полугоре показалась колокольня Фьезоле, а вот вдали и купол Флорентийского собора, еще несколько минут, и поезд остановился. «Fienze!» — прокричал кондуктор. Сколько раз мне ни приходилось бывать в этом городе великих творцов XVI столетия, каждый раз душу мою охватывало особое чувство благоговения. И на этот раз, когда экипаж наш легко и весело покатился по гладкой белой мостовой, я почувствовал какую-то радость и свет на душе. У нас едва хватило терпения, чтобы умыться, чудесный флорентийский свет настойчиво звал нас наружу. Мы побежали по улицам Флоренции и сразу очутились с улицы Segretani около батистерии и собора. Белый фасад собора блестит новизной и яркими мозаиками. Он недавно только окончен и действительно составляет украшение всей площади, придавая ей праздничный нарядный вид. Побежали дальше на Piazza Signoria, loggia dei Lanzi, palazzo Vecchio, Museo nazionale, выбежали мимо Ufficci к Арно, по Tornabuoni вернулись к гостинице. Костинька схватил ящик и краски, и мы опять чуть не бегом пустились на Piazza Signoria, где я усадил его в карету, и он начал этюд фонтана Бен[венуто] Челлини. К вечеру мы упали в постели, как убитые. На другой день оказался праздник во Фьезоле; мы,

конечно, двинулись туда. Погода была прекрасная, и народу на площади во Фьезоле оказалось масса. Все атрибуты народного гулянья налицо. Самое интересное зрелище представляли импровизированные кухни по своей незатейливости и аппетитности. Тут же на площади разложены горячие уголья и над ними поставлены две палки, в которых вертится вертел, а на нем нанизаны десятками куры. Они шипят на огне и тут же раскупаются проголодавшейся публикой, которая расправляется с ними без всяких инструментов. И вкусно и просто. Характерны очень фигуры самих жарильщиков, один в особенности: кривой, совсем Спарафучиле [персонаж оперы Д. Верди «Риголетто»]. На столах стоят *fiaschi** с вином, и пир идет на славу. Скверное, тяжелое чувство возбудили в нас две базарные прорицательницы, надсаживающиеся из последних сил, выкрикивая какой-то непонятный набор слов. Бедные, нищенски одетые женщины подвергаются добровольно истязаниям ради скудного куска хлеба, который иначе, вероятно, и добыть нельзя. Худые болезненные лица, обвислая шея и разбитая от крика грудь. И все это прикрыто подобием какого-то остатка фантастического костюма.

В Фьезоле оказались какие-то незначительные остатки римского театра, за просмотрение которого местное *municipio*** собирает по франку, сюда и наши два франка ушли и, сказать по-правде, совсем даром.

* большие бутылки (итал.).

** муниципалитет (итал.).

Общий тон Флоренции — отсутствие современной лавки и фабричной красоты. На всем до сих пор всецело сохраняется характер индивидуального понимания красоты, ни на чем не видать мертвящей полировки и законченности, все жило светлой художественной жизнью, и эта жизнь, полная серьезной и искренней любви к искусству, оставила на всем свой неподражаемый след. Ряд великих имен создавал этот характер и неотразимой силой своего гения подчинил себе все общество, начиная с могущественного герцога, папы и кончая последним бедняком. Искусство не было прихотью, приятной забавой, оно руководило жизнью, политикой, на него опиралась церковь, религия. Золотой, счастливый век!

Мы вошли в капеллу Медичи. Никогда с таким благоговейным чувством не приходилось мне стоять перед молчаливым мрамором Микель Анджело. Кругом не было никого, царил мертвая тишина, и только великий дух могучего творца, заставивший навек задуматься неугомонного Медичи, витал под сводами роскошного здания. Казалось, страшно сделать шаг, чтобы не нарушить таинственного созерцания Ночи.

Стройным мажорным аккордом звучит чудная бронза (Персей) Бенвенуто Челлини в Loggia dei Lanzi, только как-то зловеще и страшно взглянули на меня глаза из мраморных черепов на пьедестале Персея. В них есть какой-то фокус: провалившиеся глаза из глубины своих орбит сверкают злобно на все живущее! В Palazzo Pitti мы проходили целый день. Мы долго простояли перед Мадонной Мурильо. Удивительная теплота и женственность! Исторические живые лица Рембрандта, Ван Дика, кажется, только потому не говорят с вами, что вы не стоите этого, а на ваши слова они внимания не обратят. Что им до нас? Они живут своим славным прошедшим, и для нас с вами уже довольно и того, что мы удостоились видеть их.

Будучи в Италии, нельзя отрешиться от желания побывать на берегу моря. Восточный берег Италии, т. е. Адриатика, не так привлекателен, как западный, да и к тому же за ним есть некоторая холерная репутация, а потому мы решили ехать на Пизу, Специю и Геную. Я когда-то был в Специи, и у меня осталось хорошее воспоминание об этом городе, а потому мы и взяли билеты до Специи...

Мамонтов неоднократно бывал в Италии. Первая его поездка состоялась в 1864 году. И с этой поездкой двадцатитрехлетнего юноши Саввы Мамонтова связаны некоторые любопытные обстоятельства.

Его отцом был Иван Федорович Мамонтов, крупный железнодорожный предприниматель, откупщик и вместе с тем друг декабристов. В доме в Ялуторовске, где в 1841 году родился Савва, бывали М. И. Муравьев-Апостол и И. И. Пущин, а возможно, Е. И. Якушкин и Е. П. Оболенский. Ивану Федоровичу, человеку строгих правил, конечно, не нравилось, что Савва, студент юридического факультета Московского университета, вместо того чтобы усердно заниматься науками, увлекается театром, да еще и сам играет в любительских спектаклях. Так, в спектакле «Гроза» он играл роль Кудряша, а сам автор пьесы А. Н. Островский — купца Дикого. Это было в августе 1862 года.

В своем письме от 6 апреля 1862 года Иван Федорович пишет сыну (кстати, жили они тогда в Москве вместе, в одном доме, но в серьезных случаях обменивались письмами): «Ты вовсе обленился, перестал учиться классическим предметам, развлекся и предался *непозволи- тельным* столичным пустым удовольствиям: музыкантить, петь и кувыркаться в драматическом обществе. Все это ты делал вопреки моим желаниям и воле...» (ф. 799, оп. I, д. 352, л. 12).

Словом, через несколько дней после спектакля, который, кстати, Ивану Федоровичу понравился, Савва был отправлен подальше от театров, в Баку, как сейчас бы сказали на «производственную практику». Пять месяцев он работал в конторе Закаспийского торгового товарищества, которое занималось нефтяными промыслами в Баку и устройством торговых факторий в Персии. А с декабря 1862 года продолжил свое «образование» в Персии, где занимался торговлей и знакомился со страной. Летом 1862 года Савва провел торговый караван из 70 верблюдов почти через всю Персию и с большой выгодой продал закупленные товары.

Отец Саввы смягчился, узнав о коммерческих успехах сына, и... поручил ему подготовить товары для Нижегородской ярмарки. В Нижнем Савва сумел тоже все хорошо устроить. Осенью 1863 года, после годичного пребывания на Востоке, Мамонтов приехал в Москву, но заболел, и поэтому решено было его отправить в Италию,

где в Милане он должен был подлечиться и, кстати, изучить торговлю шелком.

Но и там, в Италии, молодой купец опять занялся дорогим его сердцу искусством, начал постигать итальянскую школу пения и даже договорился исполнить две баховские партии в одном из оперных театров Милана, но... вовремя был отозван отцом в Москву.

Все эти события описаны самим Мамонтовым, рукопись воспоминаний которого хранится в ЦГАЛИ СССР (ф. 799, оп. I, д. 13).

Живя в Италии, он бывал в городе Специи, который он посетил спустя двадцать четыре года, в 1888 году, в сопровождении своего молодого друга.

...При выезде из Флоренции погода была сырая и ветреная, а потому покидать ее было не особенно грустно. В час ночи поезд остановился в Специи. Дождь, ветер, холод. Вышли мы на крыльцо станции, мокрым ветром хлещет в лицо. Против станции стоят три унылых омнибуса — выбирай любой. В котором ехать? Все равно: На одном из них на стекле красиво изображен красный мальтийский крест. Едем в гостиницу мальтийского креста. Сели, и загромыхал наш омнибус по едва освещенным улицам. Одеты мы были легко, ноги немножко промокли, и легкая дрожь проходила по всему телу. Долго везли нас по каким-то плохо вымощенным улицам, по воде и грязи, ветер свистал в окна. На улицах не было никого, только изредка светились какие-то кабаки или кафе. Ехали мы, казалось, целую вечность. Наконец около большой запертой двери большого дома мы остановились. Кондуктор наш несколько раз звонил. Минут через пять отворилась калитка и показался взъерошенный высокий старик в полуночном костюме с свечой и лениво впустил нас в большой крытый двор. В гостинице все уже спало, по-видимому, гостей не ждали, и омнибус выезжал на станцию только по заведенному порядку, по инерции. Старик подвел нас к целой системе больших роскошных лестниц, занимавших всю середину крытого двора и таинственно уходивших вверх, в непроницаемую тьму. Бог знает куда мы попали, в монастырь ли какой или в замок Монте-Кристо? Неуверенным шагом и с некоторым недоверием пошли мы за стариком по одной из лестниц,

слабо освещаемой огарком. Вошли в коридор, старик отворил дверь в номер, поставил свой подсвечник на стол и, мрачно сказав: «Вот вам комната. Спокойной ночи!» — вышел, и мы остались одни. Немного погодя кондуктор омнибуса внес наши вещи и так же таинственно ушел. Что это? Аббатство ли какое, дом одиночного заключения или замок, покинутый морскими разбойниками? Выглянули мы из двери — везде темно, только внизу раздавались медленные шаги старика. Воображение начало работать, дрожь пробирает — нам стало жутко. Комната оказалась большая и очень высокая, у стены стояли торжественно две почтенные кровати, плотно затянутые пологом. Все это при скудном освещении одной свечкой казалось чем-то таинственным. А мы воображали приехать в чистенькую небольшую гостиницу на берегу моря, спросить себе чего-нибудь поесть и почить до утра. Об сне теперь и думать не хочется, а поужинать надо, ибо мы только утром позавтракали. Делать нечего, я пошел и отыскал старика, но на вопрос мой получил грубый ответ, что все заперто и решительно ничего получить нельзя. «Хотя кусок хлеба и бутылку вина?» — «Ничего нет, и думать нечего!» — сказал старик и ушел от меня.

Положение становилось критическим. Я, однако, пошел искать кого-нибудь другого. Кондуктор оказался добродушнее и, увидав у меня в руках пять франков, взял их и пошел попытать счастья: не найдет ли чего-нибудь съестного в одном из кафе. Я возвратился в нашу комнату с радостным известием и застал Костиньку, сидящего у стола против свечки в созерцательной позе. Я сообщил о моем успехе, но художник не внимал и молча показал мне на подсвечник, не сводя с него глаз: «Смотрите, какое чудовище!» Я взглянул на подсвечник, и действительно было на что подивиться. Это был не подсвечник, а какое-то необычайное носатое чудовище вроде человека, скорчившееся как бы от боли и с злоеющей укоризной и злорадством как бы говорящее вам: «Ну, попал к нам, голубчик, теперь не отвертись! Много вашего брата уж здесь мы придушили. Сам виноват, зачем лезешь?» «Вот так подсвечник, — шепчет Костинька. — Никогда ничего подобного не видал! Мы, должно быть, у колдунов что-нибудь?»

В дверь постучались, и вошел опять мрачный старик с постельным бельем на одной руке и с подсвечником

в другой. Мы взглянули на подсвечник, и — о ужас! — опять чудовище, такое же таинственное и противное. Старик, очевидно, дразнит нас и запугивает. Он постелил постели молча и ушел, поставив на стол второе чудовище. Однако эти подсвечники?.. Они сюда что-то недаром?.. Они, кажется, начинают сверкать глазами?.. С нами крестная сила... Да и старик этот, должно быть, не человек, а давно умерший какой-нибудь средневековый злодей-кровопийца, витающий в этом замке... Тут, наверное, таинственная кровавая история. Все видели, как он сверкнул на нас своими фосфорическими глазами... он злобно улыбался... Стук! стук! стук! в дверь. Ужели опять он? Что ему надо? «Avanti»*!»

Ах, это наш кондуктор. Он несет в одной руке fiasch'у** с вином, в другой — нарезанной колбасы и два хлеба. Это все, что он мог достать за наши пять франков. Опять мы одни с нашими молчаливыми соглядатаями-подсвечниками. Скрепя сердце пожевали мы колбаски с хлебом и насилу согрелись, выпив стакана по два вина. Ветер завывает в окно...

Чу! Что это? Протяжный вой или плач? Это там другие подсвечники уже приканчивают кого-то! Ах, как жалобно просят пощады! Или, может быть, там среди этих таинственных, прозрачных, висящих в воздухе лестниц они начинают свой шабаш? Ну, да бог с ними, пускай делают, что хотят. Спать так спать. Долго слышались нам жалобные протяжные вздохи несчастных жертв, наконец усталость взяла свое, и мы уснули на сырых и холодных постелях.

Утром Костинька открыл ставни, и мы увидели море. Внизу на берегу усиленно шла какая-то спешная земляная работа, свистали паровозы и громыхали поезда. Погода была недурна, хотя на всем была видна вчерашняя сырость. Вой и плач, слышанные нами ночью, продолжались уже в реальном шуме волн. Мы вышли вниз. Волшебный замок оказался обычной большой гостиницей, но систему и массу лестниц я и днем понять не мог, по всей вероятности, это неудачная фантазия какого-нибудь немудреного архитектора, желавшего сделать что-нибудь оригинальное.

---

* войдите (итал.).

** флягу, бутыл (итал.).

С тех пор как я был в Специи, а этому 24 года, она успела вырасти из маленького приморского местечка в изрядный город...

Я настоятельно уговорил Костиньку не вынимать до *Porte Venete* свой альбом. Дорога шла среди оливковых рощ, но пейзаж то и дело украшался черными жерлами тяжелых приморских батарей — вид вовсе некрасивый и непривлекательный. Вот дорога начинает огибать какое-то оригинальное здание, окруженное высокой стеной и охраняемое часовыми-матросами. Резкая надпись велит ехать шагом. Это пороховой завод и пороховые склады. Матросик подошел к нам и очень серьезно и внимательно осмотрел нас, не говоря ни слова, и сделал знак рукой, чтоб мы ехали дальше. Другому не понравился звук бубенчиков на наших лошадях, и он молча, знаком руки, приказал их снять. Люди мы по преимуществу штатские, а потому военные строгости и дисциплина оказались нам вовсе не по вкусу. Наконец мы добрались до *Porte Venete*, но на наше горе приударил изрядный дождь. Мы решили было отнестись к нему с презрением и пошли по единственной улице городка, но были жестоко наказаны за нашу храбрость — в какие-нибудь десять минут мы промокли настолько, что должны были искать приюта. Городок кончается крутой скалой, на которой стоит разрушенная церковь. Какой-то добрый человек, работник с маяка, сжалился над нами и пригласил в свой приют. Бедняк живет в совершенно развалившемся крайнем домишке без всяких признаков не только оседлой, но даже какой-нибудь жизни. Сквозь крышу льет, пол второго этажа того и гляди провалится. В углу на соломе виднелось логовище бедняка. За нами, конечно, как водится, плелась целая толпа любопытных мальчишек. Наш гостеприимный хозяин тщетно старался отогнать их и наконец разразился упреками правительству, не подбирающему вшивую команду в школы. «Вот так-то, — говорил он, — и вырастает у нас в Италии всякая сволочь, препятствующая правильному развитию страны». И это говорил бедняк, живущий на соломе, несомненно, в страшной бедности.

Всякие попытки начать этюд оказались тщетными, дождь все прибывал. Захотелось перекусить что-нибудь. И тут нам не повезло. Единственная остерия, или, вернее, кабак, была битком набита народом. Шум, говор и споры. Хозяйка, очень приветливая, простая, постара-

лась около самого входа настигнуть своих гостей и зажарила нам в оливковом масле каких-то вкусных морских рыбок и дала нам фиаску хорошего вина. С соседями нашими мы сразу поладили, и завтрак был очень вкусен и весел. Местные граждане, т. е. простые крестьяне, горячо обсуждали свои местные общественные дела, но, к сожалению, на таком жаргоне, что мне не удалось уловить даже смысла жгучего вопроса, ясно было только одно, что идет жесткая борьба партий. Наверху, во втором этаже, куда вела узенькая, грязная, темная лестница, должно быть, проводила время молодежь, говорились веселые речи, покрываемые искренним хохотом, и наконец местный Мазини отчаянным голосом, но верно прокричал Addio Leopogo из «Трубадура», за что был награжден неистовым аплодисментом. Женский пол держался особо и разбирался в своих интересах

около лавочек, где продавалась разная снедь. Бедная, простая, немудреная жизнь, но во всем чувствуется живой, бодрый и искренний характер. Дождь лил безостановочно. Костинька попробовал было сделать этюд из окна нашей коляски, но в живописном отношении поездку пришлось признать неудавшейся и возвратиться в Специю. В гостинице оказалось порядочное количество иностранцев, и мы пошли по звонку в table d'hote*. За столом сидело человек десять дам и мужчин, и, вероятно, все без изъятия англичане. «Нет, воля ваша, а здесь, в этой гостинице,

* ресторан, дословно — общий обеденный стол (франц.).

есть что-то таинственное, какая-то чертовщина, — говорит Костинька шепотом, толкая меня в бок. — Смотрите-ка вон туда... ведь опять подсвечник, да не один!.. Батюшки мои, что же это такое?» Действительно, в голове стола сидели невообразимые англичанки. Такие изумительные фигуры из воображаемого, волшебного мира производит только великий Альбион. Вообразите себе вешалку, на которую надето что-то очень безвкусное, нарядное и непременно дорогое, вроде того, что надевается на восковые фигуры в истор[ическом] муз[ее], и к этому приставлена голова, вся в рыжих завитках (чтобы сделать их, конечно, надо не менее часа), к голове приставлена святочная маска, покрашенная смелой рукой в красную краску, и вставлен изумительный, несообразно длинный, завернутый книзу нос, а в этом вдохновенном носе и в оловянных, сверкающих какой-то загробной улыбкой глазах и заключается все волшебство таинственного замка мальтийского креста. Один подсвечник вел оживленную беседу, делал стеклянную улыбку, но, несмотря на все старание, не мог ни в голосе, ни в улыбке скрыть своего происхождения, ведьма сквозила во всем. Другой подсвечник, еще ужаснее, не решался даже говорить и держался больше в профиль. Нет, это, конечно, не обыкновенные люди, они не за одно со всем живущим. Свечерело. В комнате нашей опять темно, опять зажгли мы свои необычайные подсвечники, опять кругом завывали. Нет, довольно, едем на поезд и прямо в Милан! Сбираться нам не долго, сдавать в багаж нечего. Сказано — сделано, и мы уже в поезде.

Милан, бесспорно, самый культурный и развитой город Италии. Близкий сосед Швейцарии и Германии, он заимствовал у немцев их деловитость, серьезность и выдержку, а индустриальный гений француза по соседству перешел, распространился сюда через Пьемонт. Достаточно всмотреться в окрестности Милана — каждая пядь земли занята каким-нибудь производством.

Милан наконец утомил нас своей сыростью, холодом, отсутствием природы и однообразием. Мы ждали первого ясного дня, чтобы двинуться к морю, от которого мы после неприветливого приема в Специи не хотели унести дурного впечатления. Наконец проглянуло солнышко и степлело. Мы поторопились расчехлиться в гостинице и сели в поезд на Геную в 8 ч[асов] вечера. В вагоне с нами оказался почтенный итальянский генерал. Су-

дя по летам, старый вояка, конечно, принимал участие во всех войнах за освобождение Италии. Несмотря на преклонные годы (ему, наверно, было за 50), старик был строго и элегантно обмундирован и держался молодцом, не хуже молодого офицера: кепи с широким золотым галуном было ловко надето на седую голову, коротенькая куртка, опущенная черным барашком и опутанная массой черных шнуров, отлично облегла плечи и грудь, а на груди виднелись ордена, вероятно, не мелкого разбора. Движения старика были ловкие и бодрые. Мне невольно припомнились наши неповоротливые генералы, несущие на себе всегда какую-то особенную важность и уподобляющиеся неприступным индюкам. Это, конечно, я говорю не в упрек нашим превосходительствам, а сравниваю два противоположных народных темперамента. Итальянский военачальник, вероятно, не так глубокомысленно обдумает план сражения, но зато молодцом, несмотря на старые кости, вскочит на коня и поведет свою колонну в бой. Несмотря, однако, на всю свою симпатичность, наш генерал закурил такую ядовитую сигару, что я, невзирая на вечерний холодок, должен был сидеть у открытого окна.

По прежним воспоминаниям Генуя не особенно улыбалась мне — я живо помню узкие, давящие улицы и гостиницу Hotel de Ville, расположенную у самого порта, где шум, крик и треск непрерывных поездов раздражают нервы. На этот раз мы попали в Hotel de Genes на площади Carlo Felice, против театра, и остались очень довольны. Приехали мы в первом часу ночи и успокоились до утра. Яркий свет в окна заставил нас рано встать. Все прежние воспоминания о Генуе исчезли, и мы увидели светлый, нарядный и очень оживленный город. По блеску и свету едва ли даже Неаполь производил на меня такое сильное впечатление. Светлые дома, белые улицы, оживленный говор народа и южная растительность, масса пальм, агав и других незнакомых мне толстолистных и блестящих на солнце растений напоминают о близости Африки. Об холоде, сырости и мрачном небе и помину нет, как будто все это здесь и невозможно. Мы взяли первого попавшегося извозчика и велели везти себя, куда он хочет, лишь бы показал Геную. Мы тотчас же выехали на Via Roma. Новая, превосходная, довольно широкая улица пересекает чуть ли не в половину всю Геную и кончается в перспективе узенькой полоской,

идушей в гору. И все это блестит и слепит глаза белым светом. Площадь, разделяющая сад Aquasola, украшена торжественно превосходным бронзовым памятником Виктору Эммануилу. Конная статуя с вдохновенным лицом покойного короля, приветствующего город движением правой руки, невольно останавливает внимание. Несмотря на обыденный, везде встречающийся мотив, памятник дышит искренностью и любовью, которая существует действительно и связывает неразрывно популяр-

ного короля с народом. Шагах в трехстах в сторону от короля красуется, утопая в роскошной зелени, белоснежный высокий памятник великому патриоту и искуснейшему заговорщику Мадзини.* Сухой, длинный старик стоит сосредоточенный, как бы обдумывая новый план заговора. У ног его, вероятно, Италия в виде женщины с бандиерой**. Вся Генуя расположена на пригорках, и разных *salita* и *scalinata****, т. е. коротеньким, очень крутым, узеньким переулочкам и лестницам несть конца. Они лепятся самым причудливым образом, и неправильность их местами очень забавна и живописна. В саду *Aquasola* Костинька примостился было сделать этюдик, но досужей публики через несколько минут оказалось так много, что этюд докончить не оказалось возможности.

Мы поехали дальше, и перед нами открывалась панорама города со всех сторон — кругом горы, возвышенности, усеянные дворцами и многоэтажными домами. Я насчитывал то и дело по 8 и по 9 этажей. Вот большая гора, выступающая в море, мы должны объехать ее по берегу. Гора оказалась покрытою укреплениями, то там, то сям смотрят внушительные жерла пушек. Мы оказались среди укрепленной казармы. Не люблю я этого — жуткое

---

* Я помню живо то время (да оно и не особенно давно — лет 27), когда имя Мадзини было нарицательным именем таинственного политического заговорщика, при слове «Мадзини» представлялись политические козни, казематы, кинжалы, убийства и восстания. Теперь это великий патриот, которому благодарное отечество воздвигает памятники. (Примеч. С. И. Мамонтова.)

** знаменем (итал.).

*** здесь подъемы и спуски (итал.).

и неприятное чувство. Вот стоят две пушки самых почтенных размеров и, без сомнения, усовершенствованные по последней моде. Это целые машины: кругом колеса, шестерни, железные платформы, и наверху, на особом местечке, кейфует офицер. Казенная часть показалась мне по крайней мере в $1\frac{1}{2}$ аршина диаметром. Жерла направлены в открытое море и ждут спокойно неприятеля. Мудрено, я думаю, прицелиться и попасть в военный корабль, кажущийся издали точкой, но если угодить — то хоть кому не поздоровится. Долго ехали мы между пушек и солдат, даже как-то Генуя стала разонравливаться. Но вот порт. Шум, крики, толкотня, возня и вонь нестерпимая. Костинька закрывает нос и дышит через платок, боясь, чтобы в него не забралась какая-нибудь бактерия. Матросы всех стран, носильщики в истерзанных рубахах и с загубелыми лицами толкуются около лавочек, кабаков. Кругом разные мегеры варят, пекут и жарят рыбу, мясо и всякую снедь. Все это дает свой аромат и так грязно и неаппетитно, что кажется, ни за что бы не попробовал. Вот конторка корабельного маклера с огромной вывеской: тут, конечно, можно записаться во что угодно и уехать бог весть в какие страны. Имя, личность, нравственные качества, интеллектуальные способности здесь, конечно, не требуются, на них курса нет, а наоборот, возраст, прочность мускулов, выносливость имеют очень определенную оценку. Я думаю, на жизнь человеческую есть определенная и не особенно высокая цена. Не без затруднений выбрались мы из этого базара в более просторные улицы. Вот мы наверху, и с террасы около громадного, вновь построенного госпиталя перед нами открылась панорама всего города. Внизу, под нами, масса домов, церквей, плотно наклепленных и наваленных друг на друга. Местами проглядывают узенькие и темные щели — это улицы и *salit'ы*. Как всмотришься в эту массу мелких картонных грязненьких домиков, так жутко становится за человечество. Кажется, попади туда искра огня, холеры или чумы — и всего этого хлама со всеми копошащимися там муравьями как не бывало. А между тем все это трудится, радуется, горюет, верит и надеется. Боже мой, как вся эта человеческая жизнь ничтожна перед могучей стихией и как мелочны все эти мечты и надежды перед ее могучим и непреклонным равнодушием. Вот внизу маленькие коробочки — это театр Carlo Felice, вот маленькая игрушечка с куполком — это собор

Annunziat'ы, а вдали спокойный, безучастный горизонт моря. Вот порт старый и новый, совершенно, как на чертеже. Этот мол, в виде заборчика вдающийся в море, одно из грандиознейших сооружений Европы — он стоит 80 мил[лионов] франков, из коих 25 мил[лионов] пожертвовала какая-то богатая аристократка Генуи. (Я забыл ее фамилию*. Она умерла четыре года тому назад, и местная хроника рассказывает необычайную семейную драму, вследствие которой сын отверг богатства матери.) С устройством нового порта прекратилось каботажное судоходство и океанские пароходы подходят к набережным. Из 80 м[иллионов] правительство дало 40 м[иллионов] и 15 м[иллионов] — город Генуя. Решимость города затратить такую громадную сумму объясняется его исключительным торговым значением. Генуя искони была портом и главным торговым пунктом Ломбардии и Сардинии — самых производительных провинций Италии. Здание биржи построено в XIV веке и показывается как одна из достопримечательностей Генуи**.

Воротясь в гостиницу, мы стали решать судьбу завтрашнего дня. Ходить по Генуе и смотреть дворец за дворцом со всеми их остатками прежнего величия нам, признаться, не хотелось. Увидать воочию дьявольскую скрипку Паганини или всматриваться в «Св[ятого] Себастиана» Гвидо Рени не столько привлекало нас, как скалы и открытое море. Не без труда добились мы наконец названия такого местечка, где нет ни огромных отелей, ни неизбежных омнибусов на станции, а где живут, не мудрствуя лукаво, простодушные менегины, т. е. сардинские мужички. Это — местечко Nervi***, в часе с четвертью езды в экипаже. Мы взяли коляску и часа в 4 отправились. Дорога очень живописна — море все время в виду. Проезжая мимо одной небольшой бухточки, мы увидели на скале, тотчас у дороги, маленький обелиск. Что это такое? Кучер объяснил нам, что это памятник Гарибальди. Мы подошли, и вот что гласила надпись: «В ночь на 5 мая 1860 года с этой скалы сел на корабли Гарибальди с своей тысячей и отплыл в Палермо». День перед тем герой провел на соседней вилле Сагагга, где вся

---

* Позже Мамонтов написал сверху ее имя Duchesse Galiera.

** San Giorgio — первый в мире банк. (Примеч. С. И. Мамонтова.)

*** Вздор какой! Это место, где ютится германская аристократия в чахотке. (Примеч. С. И. Мамонтова.)

армия и трапезовала перед отъездом. Счастлива та страна, у которой есть такие народные герои! «Чуждый» всякой политике, Гарибальди втихомолку вербует в Генуе тысячу человек волонтеров, сажает их на корабли и едет освобождать Сицилию, разбивает гарнизон, торжественно забирает весь остров, наконец берет Неаполь и передает освобожденные провинции под скипетр Виктора Эммануила и [премьер-министра] Кавура. И просто и смело.

Nervì оказался довольно большим и цивилизованным городком с огромной гостиницей для зимующих иност-

ранцев. Опять table d'hote, кельнеры и все онеры* европейского комфорта. К тому же гостиница удалена от моря. Несмотря на всю настойчивость нашего возницы, мы решительно заявили, что на этот раз в острог не пойдём. Будем искать простой osteria con alloggio**. Насилу уговорили повернуть назад к маленькой гостинице, которую заметили дорогой на самом берегу моря. Мы действительно не ошиблись. Небольшая скромная гостиница расположена на скале у самого берега моря. На скалы выходит очень чистенькая красивая терраса, засаженная целым тропическим садом. Тут несколько густых, развесистых пальм со стволами в диаметре около аршина. С террасы вид на открытое море. На этой террасе под равномерный баюкающий шум волн можно сидеть часами. Воздух мягкий, тёплый, а в полдень солнце ударяет прямо в террасу, и уже тогда сидеть на припеке почти невозможно — масса света слепит глаза. Хозяин гостиницы, старый бывалый моряк, по-видимому, очень достаточный человек, принял нас очень радушно и постоянно навевается, довольны ли мы. Костинька принялся за этюды моря с надлежащей энергией, а я сижу на солнце и в полном смысле слова пользуюсь теплом, светом, воздухом, тишиной. Кроме нас в гостинице живет очень почтенная англичанка с золотушным лицом. Городок Квинто очень маленький, но в нем все есть: и Municipio с guardia pubblica***, и телеграф, и даже театр... марионеток, временно расположившийся на берегу и делающий полные сборы.

Я добивался поехать на рыбную ловлю с местными рыбаками, но, видимо, никому из них не было охоты связываться с нами. Один было уговорился на утро, да не пришел. Наконец какой-то старичок 82 лет, бывший моряк, взял нас в лодку и дал нам удочки. Выехали мы на простор, лодку нашу стало порядочно покачивать, и надо было некоторое самообладание, чтобы не попроситься на берег. Скоро стала клевать рыбка, мы поймали пять штук самых нарядных и разнообразных, с радужными отливами. Вообще морская рыбка очень бойка и сильна — очень мало общего с речной.

Два дня просидели мы в Квинто, не отходя от берега,

---

* необходимые принадлежности — от франц. honneurs.

** ресторан с гостиницей (итал.).

*** муниципалитет с полицией; guardia pubblica дословно — общественная тюрьма (итал.).

и готовы бы были просидеть еще целую неделю, если бы не приключилась с нами совершенно непонятная вещь. Как только наступал вечер, нас начинал одолевать сон, и часов в 10 мы уже ложились спать. Нынче ночью, часа в два, я, как бы чем-то встревоженный, проснулся и часа два не мог никак заснуть, а главное, не в состоянии был отделаться от мучительного тоскливого чувства. Я вскочил с постели, открыл окно, чтобы надышаться свежим морским воздухом. Кругом была непроницаемая тьма, море уныло и однообразно шипело об скалы;

еще более мрачно сделалось на душе, дыхание стеснялось в груди, и я опять лег в постель. Скверное состояние длилось до тех пор, пока я не увидел первых признаков утреннего света. Несколько успокоенный и измученный, я заснул. В девятом часу, когда мы проснулись, Костинька стал рассказывать о тяжело проведенной ночи — оказывается, что он испытал почти то же, что и я. В один голос мы решили уехать и в 11 часов сидели уже в вагоне. Пробовали мы объяснить наши ночные припадки и остановились на одной возможной причине — духота в комнате. Окна приходится закрывать с закатом солнца, иначе москиты, которые и без того обработали нас порядком в первую же ночь, могут погрызть чуть не до смерти. Комната наша маленькая, а потому запаса воздуха, вероятно, на двоих не хватает. А может, дым задул какой-нибудь сирокко, которого мы не заметили, но, во всяком случае, повторения такой ночи я ужасно боюсь, а потому — скорей в другие условия.

В Генуе пришлось ожидать три часа поезда. Опять Via Roma и опять чудесный памятник Виктору Эммануилу. В типе генуэзцев есть какая-то своя оригинальная черта. Как будто это веселый, живой, цепкий человек, но в глазах что-то есть как бы ядовитое — себе на уме. В истории, правда, за ними немало темненьких пятнышек, а великий Данте навсегда прописал генуэзцам волчий паспорт, посоветовав им лучше не существовать на свете. Прежде это — просто-напросто морские разбойники и воры, ну а теперь, несомненно, хорошие и дельные купцы. Еще раз проверил я свое впечатление о городе и остаюсь при том, что Генуя со своими новыми улицами, домами и площадями неузнаваема.

Говоря о «волчьем паспорте», который был выдан Данте генуэзцам, Мамонтов имел в виду следующие строки из его «Божественной комедии»: «О, генуэзцы, вы, в чьем сердце минул || последний стыд и все осквернено, || зачем ваш род еще с земли не сгинул?» (Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад. Песнь XXIII, В переводе М. Л. Лозинского. М., 1967, с. 150). Генуэзцы стяжали себе в Италии XIV века дурную славу своим хищничеством и корыстолюбием; генуэзец Бранка

Д'Орья, упоминаемый в той же, XXXIII песни, предательски убил своего тестя, и с его душой Данте встретился в своем путешествии по аду.

Все, что видишь, невольно применяешь и примериваешь по себе. Всякий мало-мальски позначительнее город заботится о своем благоустройстве, каким-то путем достигает улучшений и подчас капитально изменяет свой внешний вид — из неприглядного в очень благообразный. Отчего Москва как была в грязи, вони и навозе, так и поднесь все то же самое? Должно быть, улучшения даром не даются, их надо заслужить совокупными качествами всего населения.

Самое интересное в переезде от Генуи до Милана, бесспорно, были железнодорожные билеты. Я никогда бы не мог подумать, до какой тонкости может дойти реклама. Билеты — обыкновенные карточки, как на всех ж[елезных] дорогах, с названиями станций и контрольными номерами и знаками. Почему-то я обратил внимание, что сбоку есть маленький вырез и там картон другого цвета. Оказалось, что билет есть не более как конверт, а в нем в высшей степени, даже математически аккуратно вложена свернутая бумажка. Я вынул ее — это реклама разных магазинов на тонкой бумажке. Сколько же хлопот и работы, и неужели это может окупиться?

В Милане опять холодно, опять сырость, но зато опять наша превосходная гостиница. На завтра назначе-

но первое представление «Кармен», и заглавную роль поет знаменитая Grandin. Надо идти и посмотреть, как итальянцы понимают эту образцовую современную музыкальную драму. Grandin — француженка, перенесенная на итальянскую почву Edoardo Sonzogno, имеющим право собственности на «Кармен» в Италии. Артистка эта известна только двумя ролями — Кармен и Миньон, которые и составили ей имя. По первому выходу Grandin видно, что это очень развитая и тонкая актриса, и по хабанере было ясно, что голоса от нее требовать нельзя — его нет; а все дело...

На этом путевые записки Саввы Мамонтова обрываются, но путешествие художника и мецената продолжалось. Впрочем, прежде чем говорить об их дальнейшем путешествии, прокомментируем последние строки записок.

Характеристика, данная Франден Мамонтовым, в основном совпадает со сведениями о ней в итальянской театральной энциклопедии, где сказано, что эта певица снискала успех у публики своеобразной лирической интерпретацией ролей Кармен и Миньон (*Enciclopedia dello spettacolo, Roma, 1958, pp. 678—679*). Выступление Франден настолько понравилось Мамонтову, что он пригласил эту актрису на сезон 1889 года в Москву для исполнения роли Кармен в спектакле Итальянской оперной труппы (кроме Частной русской оперы, Савва Иванович организовывал выступления итальянских певцов, особенно во время великого поста, когда русским певцам выступать запрещалось и театр пустовал). В Москве «успех г-жа Франден имела колоссальный и, понятно, вполне заслуженный», — писала газета «Дневник театра» (М., 1889, № 6). А журнал «Будильник» причислил ее к «московским пленительницам» (М., 1889, № 10).

Но вернемся к нашим путешественникам. Из Милана они направились в Рим. Оттуда в декабре 1888 года Коровин писал В. Д. Поленову: «Многоуважаемый и дорогой Василий Дмитриевич! Как хороша скульптура Ватикана! Просто я в восторге. Мы, Савва Иванович и я, больше похожи на зайцев, чем на сколько-нибудь приличных путешественников. Мы уже едем дальше, опять в Милан. Быстрота железной дороги, тряска поезда, бес-

сонные ночи по приезде в город делают из меня идиотика. Вот и сейчас пишу вам письмо из почты, и то почти на ходу... Античная скульптура просто поразила меня. Я даже не представлял себе ничего подобного. Живые, совсем живые! Да какие хорошие! Ваш всегда преданный Конст[антин] Коровин». (Е. В. Сахарова. В. Д. Поленов. Письма, дневники, воспоминания. М.—Л., 1950, с. 248).

В Риме художник и меценат расстались, совместное путешествие закончилось. Мамонтов уехал в Россию, где его ждали железнодорожные дела и любимое детище — Частная русская опера, а Коровин отправился в Испанию и написал там свою известную картину «У балкона. Испанки Леонора и Ампара». А по возвращении в Москву Коровин, по воспоминаниям П. В. Кузнецова, «очаровал всех шуточными рассказами о своем путешествии по Италии вместе с Мамонтовым» (И. М. Молева. Константин Коровин. М., 1963, с. 271).

После совместной поездки дружба Мамонтова и Коровина еще более окрепла. Не раз еще Савва Иванович брал с собой в поездки «милого Костиньку». А Коровин продолжал писать свои знаменитые декорации для Частной оперы Мамонтова. По поручению Мамонтова же Коровин сделал художественное оформление павильона «Крайний Север» на Нижегородской промышленно-художественной выставке 1896 года. Оформление понравилось устроителям, и Коровина пригласили художником-консультантом русского отдела на Всемирной Парижской выставке 1900 года.

Трудно сейчас понять, что заставило Коровина в июле 1899 года уйти из Частной оперы Мамонтова в Большой театр. Его уход, конечно, не мог не повлиять на их многолетнюю дружбу. Сын Мамонтова Всеволод Саввич вспоминал: «Этой измены Частной опере, воспитавшей и выведшей их обоих в большие люди [К. А. Коровина и ушедшего в сентябре 1899 года в Большой театр Ф. И. Шаляпина], отец до конца жизни своей не мог простить бывшим любимцам. Не один раз повторял он моей сестре Шуре свою просьбу, чтобы ни Коровин, ни Шаляпин не были у него на похоронах и не подходили к его гробу» (В. С. Мамонтов. Воспоминания о русских художниках. Абрамцевский художественный кружок. М., 1951, с. 72). Но Коровин все же пытался восстановить былые дружеские отношения. Когда Савва Ивано-

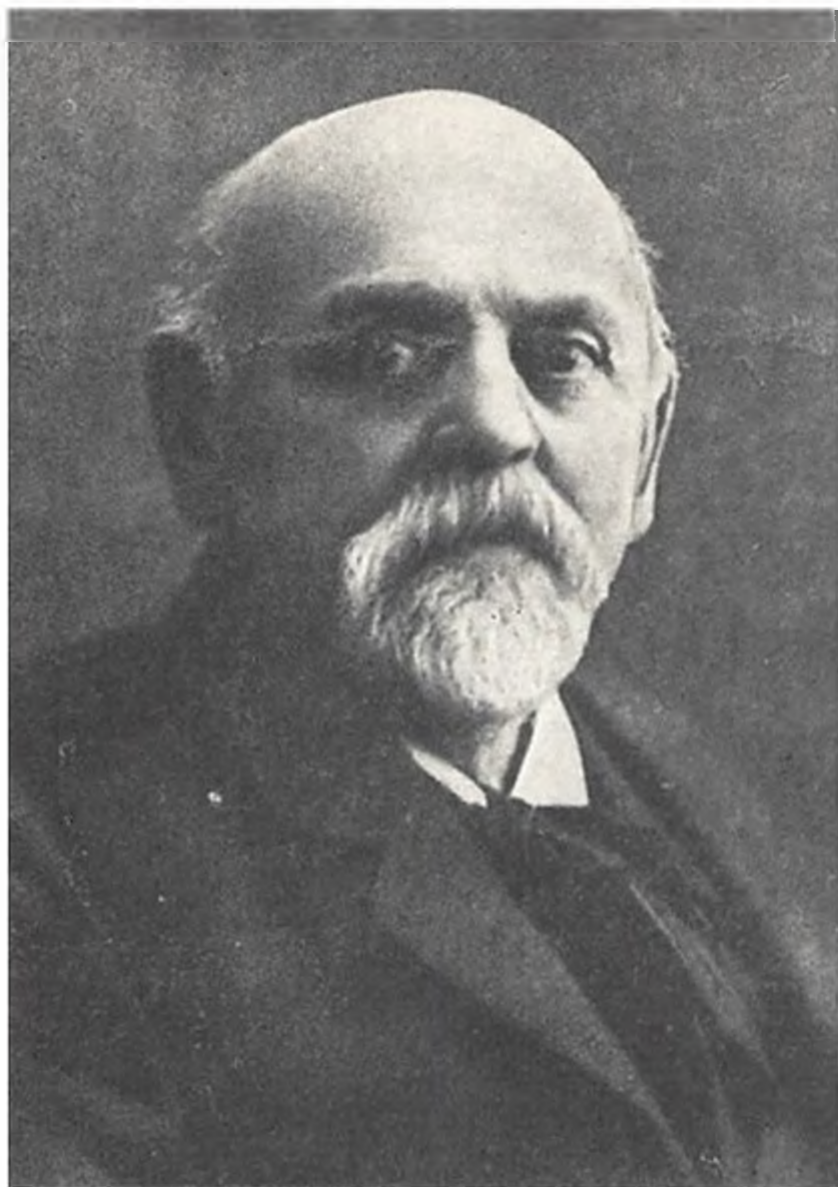
вич в 1899 году был разорен и оказался под следствием в тюрьме, Коровин вместе с В. А. Серовым и В. М. Васнецовым навестил его там. Подпись Коровина стоит рядом с подписями М. М. Антокольского, В. М. и А. М. Васнецовых, М. А. Врубеля, И. И. Левитана, И. С. Остроухова, В. Д. Поленова, И. Е. Репина, В. А. Серова, В. И. Сурикова под коллективным письмом со словами поддержки и участия, посланным весной 1900 года Мамонтову в тюрьму. В письме были такие слова: «Мы, художники, для которых без великого искусства нет жизни, провозглашаем тебе честь и славу за все хорошее, внесенное тобой в родное искусство...» («Художественное наследство», т. II. М., 1949, с. 56).

И все же гораздо легче потерять друга, чем его сохранить, и в этом Коровину пришлось убедиться на собственном горьком опыте. Все его попытки восстановить прежние дружеские отношения с Мамонтовым успехом не увенчались. Но участвовать в своих похоронах Мамонтов помешать ему не мог. В воспоминаниях М. В. Нестерова есть рассказ об их последней «встрече»: «14—16-е годы. Европейская война в самом разгаре; Костя на фронте. Приезжает ненадолго в Москву в форме полковника: он заведует военной маскировкой. Красавец военный пленяет московских дам... Настал год 17-й. Умер Савва Иванович, бедные похороны. Костя идет за гробом, он теперь одет в серую чуйку. «Как Косте идет этот костюм», — говорят старые его поклонницы. Затем Костя в Париже, бль и небылицы сплетает о нем молва, и, наконец, смерть на чужбине» (М. В. Нестеров. Давние дни. М., 1959, с. 129).

Умер Савва Иванович Мамонтов 6 апреля 1918 года (М. В. Нестеров ошибается в дате смерти) и похоронен в Абрамцеве. А через двадцать лет, 11 сентября 1939 года, умер и Константин Коровин, похороненный на кладбище Бийанкур в Париже. Во Франции он пишет свои известные воспоминания, в которых называет своими самыми близкими друзьями Валентина Серова, Михаила Врубеля и Савву Мамонтова.

Савва Мамонтов. 1910-е годы.

Константин Коровин. 1922 год.
На фотографии надпись:
„Дорогому Васе Мешкову —
человеку и художнику — от
Конст. Коровина“.

